

СУБЪЕКТ: ОТ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ ДО ПСИХОПАТОЛОГИИ И ЭЗОТЕРИЗМА¹

В статье рассматриваются учения о субъекте в психологии, философии и пограничных областях. Субъект определяется как действующее и познающее начало, необходимым свойством которого является свобода. Психология, как наука двойственного, а именно естественно-научного и гуманитарного, типа, содержит принципиально различные трактовки субъекта, которые можно обозначить как «парадигма сущности» и «парадигма существования». Парадигма сущности, характерная для естественно-научной психологии, рассматривает субъекта как детерминированного, т.е. как агента, превращающего ранее произошедшие с ним детерминации в наличное поведение. Парадигма существования (характерная для экзистенциальной, позитивной и других видов «гуманитарной» психологии) рассматривает субъекта как свободно определяющего самого себя. В философии современные учения о субъекте в основном сводятся к критике картезианской и трансцендентальной парадигм, и в статье подробно рассматривается указанная критика с точки зрения неопределенности границ и единства субъекта. Подробно анализируется связь между субъектностью, свободой, смыслоположением и отношением субъекта и Других. В заключение рассматриваются представления о субъекте на стыке психологии и философии.

Ключевые слова: субъект, свобода, сущность, существование, позитивная психология, экзистенциальная психология, психофизиология, философия субъекта, картезианская парадигма, смыслоположение, Другие, психопатология, эзотеризм.

1. Определение субъекта

1.1. Действующее и познающее начало

В этой статье пойдет речь о том, что понимается под субъектом в психологии и в философии. Субъект – это понятие, которому очень трудно дать определение, несмотря на его важность. Субъект – это тот, кто [что-то делает]. Это «носитель деятельности, сознания и познания» (Лекторский, 2000, т. 3, с. 659–660). Что делает субъект? Это мы тоже, на первый взгляд, не можем сказать определенно. При дальнейшем изучении вопроса оказывается, что две основные стороны действия субъекта – это познание и собственно действие.

Не менее важно также и бытие субъекта. Мы можем сказать «простое бытие» или ввести для субъекта особый тип бытия – например *Dasein*. Но просто бытие не введешь в определение, потому что не только субъект имеет его, а особый тип не объяснишь, пока не объяснишь, что такое субъект. Поэтому лучше всего начать с рабочего определения, неуклюжего, но понятного: субъект – это тот, кто действует и познает. Но какое действие и познание имеется в виду? Разве не может быть так, что субъект в какой-то момент и не познает, и не действует? Разве всякий, кто что-то делает, является субъектом? Все это нуждается в дальнейшем раскрытии. А главное, зачем вводить этот термин – субъект? Может быть, достаточно говорить «человек» или «сознание»?

¹ Исследование поддержано грантом РФНФ № 10-03-00619а.

Чтобы указать на основополагающую характеристику субъекта, на его активность, следует сразу провести различие между понятиями «субъект» и «человек». Каждый ли человек — субъект? Нет: спящий человек не является субъектом, грудной младенец не является субъектом. Каждый ли субъект — человек? Это определено не так в юриспруденции (субъектом права может быть юридическое лицо или даже целая республика), но, может быть, в применении к психологии имеет смысл рассматривать только субъектов-людей? Тогда можно было бы в первом приближении сказать, что субъектом является каждый человек, который находится в сознании, действует осмысленно. В очень грубом приближении дело действительно обстоит так: психология изучает человека в сознании. А.В. Брушлинский пишет: «Важнейшее из всех качеств человека — быть субъектом, т.е. творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути. Это значит инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, поведение, познание, созерцание и другие виды специфически человеческой активности...» (цит. по: Субъект, личность..., 2005, с. 18–19). Но, скажем, в психологическом изучении групп уже назревает необходимость вводить идею группы как особого надчеловеческого субъекта. Что касается философии, в ней идея субъекта — общности людей (группа как субъект, научное сообщество как субъект, человечество как субъект) — давно завоевала прочные позиции (Лекторский, 2000). В этой статье мы будем рассуждать о субъектности в применении к человеку.

1.2. Основной парадокс субъекта в психологии

Выражаясь тавтологически, философия рассуждает о субъекте философски. Это означает, что философские рассуждения о субъекте вносят

вклад в само определение субъекта, в понимание субъектности. Философ разворачивает смысл термина исходя из собственного опыта и из самого термина. Что касается психологии, ее дело — эмпирическое изучение. Правда, субъект — не основной предмет психологического исследования, скорее, она изучает его имплицитно. Но есть и работы, непосредственно посвященные изучению именно субъекта (Брушлинский, 2003; 2008; Тхостов, 1994).

Однако из любого определения субъекта непосредственно следует, что субъект не может быть тем, что изучается. Субъект — не объект познания, наоборот, это познающее начало. Безусловно, субъектом является сам психолог, но является ли им испытуемый? Если мы превращаем что бы то ни было в объект, в том числе в объект изучения, оно перестает быть субъектом (если было). Можно изучать человека, его сознание, его психику или его душу. Но как изучать субъекта? Мы увидим, что у этой проблемы есть несколько аспектов, но во всяком случае мы должны иметь в виду, что ее нельзя считать легко решаемой.

1.3. Интенциональность. Приватность. Каузальное влияние. Отличие от сознания

На состоявшемся в ноябре 2010 года «круглом столе» «Субъект и субъективность» в ГУ-ВШЭ (Круглый стол., 2010) Д.Э. Гаспарян следующим образом резюмировала различные подходы к изучению субъекта в современной философии:

1. Понятие субъекта фундировано через рефлексию, самосознание. Только субъект может иметь рефлексию. Из мыслителей здесь прежде всего нужно назвать И. Канта. Хотя даже он уже видел, что понятие рефлексии не свободно от логических противоречий. Если рефлексия — это «знание о знании», то в рефлексию встроены субъект-объектный дуализм (то, что сознает, является одновременно

сознаваемым), грозящий уходом в дурную бесконечность. Предпосылкой возможности определения субъекта через рефлексию является его вынесенность за пределы мира, особость его онтологической позиции «вне» мира.

2. Субъект — это носитель интенциональности. Интенциональность есть свойство «иметь предмет». В американской аналитической философии интенциональность принято считать свойством сознания, но если понимать субъект в значении «познающий субъект», то она является также и свойством субъекта. Субъект в этом случае появляется как бы на втором шаге, как производное от интенциональности.

3. Субъект является единственным, кто знает о собственном внутреннем состоянии; его состояния, как говорят, приватны. О приватности тоже часто говорят в применении к сознанию. Однако тут ясно, что речь идет и о субъекте. Свое внутреннее состояние только сам субъект может сделать предметом познания. Онтология субъекта — это онтология «от первого лица».

4. Кроме того, надо указать на аспект каузального отношения субъекта к своему предмету. Каузальные связи в аналитической философии обычно рассматриваются в контексте проблемы «сознание—тело». Можно говорить, что сознание оказывает либо не оказывает на тело каузального влияния (так это говорят, соответственно, в дуалистических учениях и, например, в эпифеноменализме). Что касается субъекта, то способность находиться в каузальном отношении со своим предметом является сущностной чертой субъектности, частью определения субъекта. Нечто, не оказывающее каузального влияния, а, наоборот, подвергающееся каузальному воздействию, просто не называется субъектом. Оно будет объектом (воздействия, познания и т.п.).

Из предыдущего изложения мы видим, что многие характеристики субъектности оказываются близки к характеристикам сознания. Что можно сказать о соотношении этих двух понятий — субъект и сознание? Понятия это близкие, но не тождественные. Даже если речь о познающем субъекте, мы включаем сюда как минимум органы чувств, а если говорить более строго, в познании играет роль и вся телесная сфера, и такие «расширители» этой сферы, как, например, искусственные приспособления (от очков до тхостовских зондов (Тхостов, 1994)), и все многообразное оснащение субъекта для познания, к чему относится образование, культура, социальные связи (например включенность в научное сообщество) и т.п. Поскольку границы и состав субъектности оказываются в последнем случае довольно неопределенными, в современной философии широко обсуждается вопрос единства субъекта.

Теоретико-познавательное отношение к проблеме субъекта состоит в том, что субъект — это тот, к кому наблюдатель относится как к субъекту. Здесь мы рассмотрим два представления о субъекте: уже упомянутое интенциональное и коммуникативное.

Субъектом мы считаем того, кто имеет интенциональность. Этот термин пришел первоначально из феноменологии, затем из философии сознания. Интенциональным субъектом является любой агент, у которого мы распознаем наличие намерений. По сути, это все те агенты, которых мы называем одушевленными, а иногда и более того. Интенциональным субъектом будет собака, в некоторых случаях — даже компьютер. Разумеется, интенциональным субъектом является любой живой бодрствующий человек. По мысли Д. Деннета, который много писал про это, со всеми такими интенциональными субъектами мы всегда общаемся и ведем себя одинаковым

образом: пытаемся понять их интенции (у Деннета это намерения). Это понимание намерений Деннет трактует, в общем, прагматическим образом, как предсказание.

Отношение к другому как к интенциональному субъекту Деннет называет «интенциональной установкой» (Деннет, 2004). Это именно интерпретирующая установка наблюдателя, она не обязательно совпадает с реальным наличием психологических интенций у агента. Например, шахматист может играть в шахматы с компьютером и временно принимать в отношении компьютера интенциональную установку («Интересно, как он сейчас собирается пойти?»). Понятно, что интенциональными нам представляются агенты, которые осуществляют намеренное поведение. Разумеется, обычно это не компьютеры и не животные, а люди. Некоторые агенты могут представляться нам как бы недоинтенциональными: например спящие люди и люди в таких обстоятельствах, где действия их особо предсказуемы (например марширующие солдаты).

Приписывать кому-либо интенциональность – то же самое, что считать его существом, переживающим смыслы. Намерения, мысли, переживания – все это напрямую требует мыслящего сознания.

Коммуникативное понимание субъекта исходит из того, что субъект-субъектные отношения всегда включают в себя не только прагматическое понимание, но и понимание как более глубокое взаимодействие, по меньшей мере – понимание другого как аналогичного себе, а по большей мере – как родство душ, как такое единение, которое позволяет двоим выйти за пределы себя. Про это писал К. Ясперс: чтобы понимать другого как подобного себе, необходимо понимать его в его свободе («Свобода формально присутствует во всем, что доступно пониманию. Всякий раз, когда я что-либо понимаю,

я допускаю существование свободы. Радикальное отрицание свободы неизбежно привело бы к отказу от понимания» (Ясперс, 1997, с. 902)). Всякое иное понимание вообще не является пониманием. Что же касается свободы, то не следует понимать свободу как простую спонтанность. Способность спонтанности, разумеется, необходима для того, чтобы быть свободным, но сама по себе спонтанность – это всего лишь случайность. Саму по себе спонтанность понять нельзя, она именно что совершенно ни с чем не связана и не понятна. Например, мы можем считать спонтанным распад атомных ядер. Но мы не можем называть его свободным. Чтобы субъекта можно было назвать по-настоящему свободным, он должен не только мочь сделать разные вещи, но и совершать выбор, иначе говоря, понимать, что он делает. Только выбор, сделанный на основе понимания его причин и, главное, его следствий, является свободным выбором. Свободным является субъект, понимающий самого себя (см. также: Знаков, 2007).

2. Субъект в психологии

2.1. Гуманитарная и естественно-научная психология

Психология – двойственная наука. Это было показано еще В. Дильтейем, который ввел понятия объяснительной и описательной психологии. Правда, они не прижились. Тем не менее в них заключается важная идея. В более распространенных терминах можно говорить о естественно-научной и гуманитарной психологии. Естественно-научная – это эмпирическая деятельность по установлению гипотетических связей. Эти связи она выражает законами, обычно количественными, которые связывают измеряемые величины. Их нельзя, грубо говоря, выдумать из головы. Мы также не предполагаем, что в них заложен какой-либо человеческий «смысл». Гуманитарная

наука — это деятельность по установлению смысловых связей. Смысловые связи понимаются, т.е., грубо говоря, устанавливаются из головы. Конечно, гуманитарная наука в определенном смысле тоже эмпирическая, но определенно в меньшей степени, чем естественная.

Есть области психологии, очень близкие естественным наукам, прежде всего биологии. Это психофизиология, нейропсихология, психогенетика, патопсихология, когнитивная психология. Другие области могут быть, видимо, ближе к гуманитарным наукам, например к социологии; в частности сюда относятся опросниковые методики. Несмотря на то, что социология считается гуманитарной наукой, эти области действуют в естественно-научной парадигме. Аналогично, естественно-научными по своей природе являются исследования, проводимые в таких областях, как, например, психолингвистика («Насколько быстрее воспринимаются слова, чем наборы букв?»). Вообще, та часть психологии, которая тяготеет к научному исследованию, все больше позиций сдает естественно-научной парадигме.

Нужно заметить, что вообще в нашей культуре высокого уровня достигло мастерство естественно-научного исследования. Не случайно в работах по науковедению в качестве образца науки обычно служит физика. Что касается гуманитарного исследования, оно, как ни странно, менее отрефлектировано, менее изучено. Очень часто гуманитарные науки даже считаются какими-то ненаучными. Мы хорошо знаем процесс естественно-научного исследования, мы можем описать его индуктивной моделью, гипотетико-дедуктивной моделью, парадигмальной моделью. Но что мы знаем о процессе гуманитарного исследования? Согласно упомянутому ранее Дильтею, в нем задействована стратегия «понимания». Мы подозреваем, что

к нему имеет некоторое отношение герменевтика. И, если я не ошибаюсь, более ничего.

После сказанного нас не будет удивлять, что если рассматривать психологию как науку, как исследовательскую деятельность, то гуманитарная область психологии выглядит не очень важной. Сюда относятся психология личности и такие учения, как гуманистическая, феноменологическая, экзистенциальная или позитивная психология. Они реализуют неотъемлемое от человека право быть изученным как осмысленное существо. Они пытаются изучать сферу смыслов. При этом нельзя не видеть, что внутри каждой из этих областей имеется разная методика и преобладают школы, которые группируются вокруг ярких лидеров.

Однако гуманитарная область психологии, которая выглядит, как мы признали, не очень убедительно с точки зрения науки, существенно более востребована в практическом применении психологии, а именно с точки зрения психологии как клинической практики. Человека, пришедшего на прием, надо понимать. Без осмысленного схватывания происходящего практический психолог не может работать (Кричевец, 2009).

2.2. Естественно-научный подход к субъекту: сущность

Никакая естественная наука не может работать, т.е. устанавливать свои гипотетические законы, если она не предполагает, что ее объект детерминистичен. Этот объект не имеет права быть свободным существом, не имеет права что бы то ни было понимать, решать. Иначе о каких законах может идти речь? Следовательно, субъект не осуществляет самоопределения, он не решает, каким ему быть, его сущность и его устройство зависят от детерминирующих факторов (эти факторы могут быть биологическими,

социальными или еще какими-то (Шабельников, 2006)).

Поскольку, как мы видели выше, субъект объектом быть не может, речь не идет собственно о процессах детерминирования. Несвободность субъекта выражается в виде наличия у него некоторой сущности, которая ему предзадана и исходя из которой он действует. В психогенетике этой сущностью является наследственность, в психофизиологии — устройство мозга. В когнитивной психологии напрямую об устройстве мозга, в общем, не говорят, но оно подразумевается. Кстати, на примере когнитивной психологии видна одна принципиальная трудность изучения субъекта в сущностной парадигме. Нельзя не видеть, насколько хорошо в современной когнитивной психологии изучен аспект восприятия и насколько плохо — аспект действия. Скажем, если мы возьмем компендиум Р. Солсо (Солсо, 1996), то мы убедимся, что из 600 страниц книги проблеме принятия решений посвящено всего 20 страниц, творчеству, мышлению в целом — около 100 страниц. Остальные 500 посвящены различным аспектам восприятия: распознаванию образов, хранению информации, владению языком, чтению и т.п. Мы видим, что естественная наука не знает, как подступиться к изучению действующего субъекта, поскольку он неотъемлемо свободен. Что касается познания, то вообще-то в значительной степени субъект и в нем свободен, но что касается распознавания образов и памяти — нет, это работа автономных познавательных механизмов. Ее можно изучать, чем и занимается когнитивная психология. Высшие функции всегда будут ей доступны лишь ограниченно (это мое мнение). Несвободный субъект — это вообще не субъект. Поэтому, в сущности, естественно-научная психология не изучает субъекта.

2.3. Гуманитарная (экзистенциальная) психология: существование

Относительно второго психологического полюса, противоположного естественно-научному, я колеблюсь, как его обозначить. В каком-то смысле это гуманитарная психология, поскольку, как уже говорилось, она оперирует понимаемыми смыслами. Но также можно сказать, что в определенной степени это вообще не наука. Экзистенциализм в философии, скажем, всегда решительно противопоставлял себя науке. Понятно, что необходимость обозначать себя как ученых диктуется психологам экзистенциального и других близких направлений прагматическими соображениями. Как иначе объяснить социуму, за что он платит им деньги? К тому же интеллектуальное напряжение, необходимое для продумывания экзистенциального анализа ситуаций, может существенно превышать напряжение, потребное для эмпирических исследований мозга. Исходя из сказанного, я бы не смогла однозначно решить вопрос о научном статусе экзистенциальной психологии и близких к ней направлений (феноменологического, позитивного и др.).

Зато с концепцией субъекта здесь все ясно. В отличие от естественно-научной психологии, где субъекта практически нет, в экзистенциальной психологии субъект полагается свободным, ответственным, самоопределяющимся. С.Л. Рубинштейн писал о «признании субъекта центром реорганизации бытия... возможности самодеятельности, самодетерминации, саморазвития» (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1999). И здесь не идет разговор о сущности субъекта (именно Ж.-П. Сартр сформулировал главный тезис экзистенциального истолкования субъекта: «Существование предшествует сущности»). Конечно, в философском смысле неограниченное постулирование свободы приводит к парадоксу, поэтому на практике,

особенно в клинической практике, свобода, как правило, ограничивается в пользу какой-либо цели: самоактуализации, например. В концепции самоактуализации моменты сущности и моменты свободы оказываются тесно переплетены: с одной стороны, самоактуализация — это свободное движение и это движение по направлению к свободе. С другой стороны, предполагается, что актуализируются, скажем, задатки, таланты, склонности, призвания — это элементы сущности, они детерминированы. Здесь есть недоговоренность, но это переплетение, оказывается, возможно распутать исходя из конкретных условий каждого человека.

Свои представления о субъекте — чаще имплицитные, чем выраженные напрямую — имеются во всех школах и областях психологии. Однако какими бы ни были особенности трактовки субъекта любой школой, эти трактовки всегда будут склоняться к одному из двух полюсов: сущности или существования (некоторые авторы, правда, придерживаются оптимистических взглядов на возможность взаимодействия этих двух парадигм (Кричевец, 2009; Пископпель, 2008)). Эти противоположные трактовки субъекта различаются по критерию свободы субъекта, его самоопределения. Понятно, что субъект рассматривается либо как детерминированный, либо нет. Детерминированный субъект — это, в общем-то, противоречие в определении. Поэтому более корректно можно сказать так: все области психологии разделяются на такие, которые имеют дело с субъектом (это те, которые признают его существование, но не сущность), и такие, которые элиминируют субъекта, рассматривают человека в его детерминированности (провозглашают сущность).

3. Субъект в философии

3.1. Картезианская парадигма

Сама проблема субъекта в философии берет свое начало, в общем, с

Р. Декарта (XVII век). Это не значит, что до Декарта никто не рассматривал вопрос о природе действующего и познающего начала. Но более ранние попытки этого рассмотрения были включены в общие онтологические системы (например у Аристотеля или в Средние века). Одна из заслуг Декарта — то, что он не включает свое рассмотрение субъекта в более общую онтологическую систему, по крайней мере, старается не включать. Наоборот, Декарт начинает построение своей системы — и в логическом, и в онтологическом смысле — с приоритета субъекта (Колесников, 2000; Василюк, 2005; Соколов, 1999).

Кратко основные положения картезианской парадигмы можно сформулировать таким образом:

1. *Тело и душа — это две разные субстанции. У них различные свойства.*

2. *Тело — это машина, управляемая рефлексами.*

3. *Сознание тождественно мышлению.*

4. *Сознающий субъект имеет непосредственный доступ к своему сознанию. Он может свободно управлять своим мышлением.*

5. *Он также управляет своим телом. Для этого постулируется некое таинственное место, в котором происходит взаимодействие субстанций.*

6. *Субъект един, его сознание цельно и неделимо (Косилова, 2009).*

В учении Декарта о субъекте есть одно очень здоровое зерно и одна очень трудная проблема. Здоровое зерно заключается в том, что Декарт ясно, недвусмысленно, с очевидностью описывает отличие души от тела и приоритет души¹.

¹ «Исследуя, кто мы такие, предполагающие все отличное от нас ложным, мы в высшей степени ясно усматриваем, что к нашей природе не имеет отношения ни какая-либо протяженность, ни какая бы то ни было фигура, ни перемещение в пространстве, ни что-либо иное подобное, являющееся свойством тела, но ей причастно одно лишь мышление» (Декарт, 1989, с. 316).

Можно было бы ожидать, что до XVII века, в Средние века, с их превалированием религиозной философии, и отличие души от тела, и приоритет души были общими местами в философской трактовке человека. Однако это не так. В своем учении Фома Аквинский, например, старается следовать Аристотелю, более того, он старается следовать одновременно Аристотелю и Священному писанию, поэтому описание отношения между телом и душой в учении Фомы крайне затемнено. Достаточно привести формулировку «душа является формой тела»², чтобы проиллюстрировать, как трудно обычному человеку понять, что тут имеется в виду.

После сложностей томизма учение Декарта выглядело ближе к житейской интуиции любого нормального человека. В картезианскую парадигму очень легко ввести религиозную идею отделения души от тела (в томизме это получается только ценой сложных ухищрений³), поскольку у Декарта душа и тело – это разные субстанции, которые без затруднений могут существовать раздельно. К сожалению, обратное действие, а именно соединение души с телом, не вызывавшее проблем у Фомы, теперь уже у Декарта

² «Таким образом, душа необходимо есть сущность в смысле формы естественного тела, обладающего в возможности жизнью. Сущность же [как форма] есть энтелехия; стало быть, душа есть энтелехия такого тела» (Аристотель, 1976).

³ «Если душа продолжает существовать после разрушения тела, из этого не следует с необходимостью, что она соединялась с телом акцидентально... В самом деле, общепризнано, что первая материя не рождена и неуничтожима... Точно так же и душа соединяется с телом в единое бытие... Следовательно, даже если душа остается после тела, их соединение субстанциально, а не акцидентально. Правда, первая материя после отделения от нее формы не продолжает существовать актуально; точнее, продолжением своего актуального бытия она обязана другой форме... Человеческая душа остается актуально той же самой. Эта разница объясняется тем, что человеческая душа есть и форма и акт, а первая материя есть сущее [только] в потенции...» (Фома Аквинский, 2001).

получается ценой ухищрений. Для того чтобы объяснить, каким образом происходит передача волевого решения от мыслящей субстанции, которая принимает это решение, к телесной, которая его исполняет, Декарту приходится постулировать специальные средства, местами совершенно неправдоподобные (подробнее см.: Косилова 2009).

В том, что касается познания, Декарт оптимист. Это касается и внешнего познания, и познавательного отношения субъекта к самому себе. Очень много препятствий к познанию он не рассматривает, как будто они ему не известны (хотя скептики в философии существовали всегда). Позже в теории познания основная критика картезианской парадигмы развернулась именно в направлении этих не учтенных Декартом трудностей и препятствий. Прежде всего это роль языка, воспитания, культурных традиций и устройства познавательного аппарата. Здесь у нас нет возможности останавливаться на этой теме более подробно.

Что же касается отношения субъекта к самому себе, в картезианской парадигме вряд ли можно ожидать проблем, поскольку мыслящая субстанция едина. Не удивительно, что у нее все в порядке с самопрозрачностью, и даже более того – самопознание ей вряд ли нужно, поскольку она определяет самое себя, по идее в ней нет каких-то частей, которые были бы автономны от других частей. Специально Декарт этот вопрос не рассматривал, но это так получается по смыслу его системы.

3.2. Критика картезианской парадигмы

Критика системы Р. Декарта в онтологии субъекта происходила в основном по двум направлениям. Первое – критика интеракционизма. Этим термином стали называть идею Декарта о том, что две различные субстанции взаимодействуют при помощи каких-то специальных средств.

Точнее говоря, чаще всего так обозначается теоретическая невозможность такого взаимодействия. Возможность построить такую систему, в которой субстанции были бы различны, но не взаимодействовали бы, была изучена прямыми последователями Р. Декарта: Б. Спинозой, Г. Лейбницем, Н. Мальбраншем и др. Все эти попытки привели к фантастическим результатам, не совместимым с современным научным мировоззрением. Поэтому в философии наших дней критика интеракционизма заменена более глобальной критикой дуализма, т.е. самой идеи того, что существуют две разные субстанции. Актуальный запрос современной философии – монизм, учение о том, что субстанция одна (что и логично с точки зрения определения субстанции, представления о субстанции как о чем-то фундаментальном).

К сожалению, никаких удовлетворительных видов монизма в современной философии не разработано. Было предложено два, если можно так выразиться, редуccionистских вида монизма: идеализм и материализм. Редуccionистскими я назвала их потому, что оба они редуцируют изначально более сложную систему Декарта с двумя субстанциями к одной из двух этих субстанций. Если говорить упрощенно, идеализм провозглашает, что душа первична по отношению к телу, а материализм – что тело первично по отношению к душе. Идеализм еще в XIX веке показал свою полную несовместимость с научным мировоззрением. А преобладающий ныне в моде материализм совершенно очевидно не удовлетворяет философский запрос на подлинно глубокое учение. К тому же он тоже несовместим с научным мировоззрением, хотя это выясняется посредством гораздо более тонкого анализа.

Некоторые учения, как в философии, так и в психологии, делают попытку предложить некий нередуccionистский монизм, т.е. ввести некую

новую субстанцию, из которой затем можно было бы вывести две картезианские. Например, такой попыткой является деятельностный подход, развитый в трудах Э.В. Ильенкова и Г.П. Щедровицкого. Вкратце говоря, основная идея этого подхода: обе стороны субъектности, и телесную, и душевную / духовную, можно вывести из особенностей и потребностей деятельности (подробнее см.: Косилова, 2009). В теории это звучит заманчиво, но на искомую новую субстанцию деятельность не потянула. Все-таки, помимо теории субъекта, большинство философов стремятся построить общую онтологическую систему, а из деятельности вряд ли удастся исчерпывающе вывести даже телесные свойства субъекта, уже не говоря о том, что за пределами теории субъекта эта субстанция совершенно теряет смысл. Обе картезианские субстанции как-никак имели куда более широкое философское применение.

Второе направление, по которому происходит критика картезианской парадигмы в современной философии, – это вопрос о природе субстанции субъектности (если предположить, что такая субстанция действительно есть). Вспомним, что Декарт характеризовал душу как нечто мыслящее, свободное, единое и полностью прозрачное для самого себя. Таким образом, здесь критика происходит в трех отношениях: а) субъект не является чем-то единым, он не прозрачен для самого себя; б) субъект не является свободным; в) природа субъекта – не мышление. Это связанные между собой пункты. Опровержение по каждому из них приводит к опровержению по остальным. Однако содержательно эти опровержения различаются.

Достаточно легко показать неудовлетворительность третьего утверждения. Более того, сделать это настолько легко, что, видимо, и сам Декарт имел в виду нечто другое. Однако сказал он все-таки

буквально это. Давайте рассмотрим двух человек. Один из них пусть осуществляет интенсивное мышление. Например, это может быть математик, который решает сложную задачу. Второй не осуществляет такого же интенсивного мышления. Например, это может быть солдат, который выполняет приказ, рискуя жизнью. Имеем ли мы основания сказать, что первый из них субъект, а второй нет? Или что первый в большей степени субъект, чем второй? Очевидно, что нет. Никакие другие признаки субъектности, кроме мышления — свобода воли, ответственность за свои действия, не подтверждают этого. Следовательно, субстанцию субъектности следует искать не в мышлении. Она должна быть присуща в равной мере всем, кого мы опознаем как субъекта.

Проблема границ и единства субъекта

Представление о единстве субъекта господствовало в философии вплоть до конца XIX века. Оно было явным образом сформулировано И. Кантом в понятии «трансцендентальное единство апперцепции». Хотя уже Декарту было ясно, что оно на первый взгляд расходится с повседневной интуицией: ведь мы считаем собственным своим достоянием восприятие, эмоции, переживания — в то время как они относятся к телу, а не к душе. Не менее этого мы считаем своим достоянием и свои мысли, хотя вот они уже относятся к душе, а не к телу. Пропасть между мыслящей и телесной субстанцией, по логике Декарта, отделяет мысли от чувств. Декарт посвящает анализу этой проблемы большой трактат «Страсти души», где он все же, в общем, доказывает, что чувства напрямую к душе не относятся, хотя они на нее и воздействуют.

Что касается сегодняшних философов, они, наоборот, предпочитают расширять границы субъектности, не исключать чувства, а включать все, что мы опознаем как присущее нам, в том числе

тело и даже искусственные продолжения тела (очки, трость, одежду (а гонщик может так сродниться со своим автомобилем, что буквально ощущает его как часть себя — тогда современный философ скажет, что автомобиль составляет часть его субъектности)). Поскольку в теории познания убедительно показано, что мысли, которые кажутся нам своими, основаны на языковом и культурном базисе, предлагается в состав субъекта включить и его культуру, и его язык, и его социальную принадлежность и т.п.

Первым, кто построил убедительную теорию неединства субъекта, был З. Фрейд. По Фрейду, субъект — это некий аппарат, состоящий из набора инстанций, каждая из которых требует своего: Оно требует удовлетворения влечений, Сверх-Я требует подчинения ценностям социума, Я стремится к синтезу своих содержаний (Фрейд, 2003).

Еще дальше в этом же направлении идет современная американская аналитическая философия сознания, разрабатывающая в тесном контакте с когнитивной наукой теорию когнитивных модулей. Первые важные эмпирические наблюдения были сделаны этологом К. Лоренцем. В главе «Великий парламент инстинктов» (Лоренц, 1998) он писал, что инстинкты формируются и действуют относительно независимо. Каждый из них включается на свой спусковой стимул. Каждый нацелен на достижение своего собственного результата. Иногда получается так, что управляемое ими животное буквально разрывается. Лоренц описывает специальные, снимающие напряжение между инстинктами, поведенческие приемы, которые были выработаны в ходе эволюции (ритуализация).

В начале 80-х гг. XX века Дж. Фодор сформулировал общую теорию модулярности (Солсо, 1996). Согласно этой теории большинство когнитивных функций выполняются специальными модулями,

причем модули независимы друг от друга, каждый из них имеет свой вход, свой выход, каждый организован на своем мозговом субстрате. Подобные модули удается очень хорошо эмпирически продемонстрировать на материале восприятия. Например, имеются зрительные иллюзии, причина которых, как предполагается, в специфическом срабатывании модулей распознавания простых образов (углов, параллельных линий и т.п.). Даже если человек знает, что должно быть увидено «на самом деле», иллюзия все равно сохраняется. Это показывает, что модуль восприятия работает независимо от других модулей, в данном случае — от модуля «осознанного знания». Впрочем, было проведено достаточно много исследований, которые показали, что некоторые оптические иллюзии культурозависимы (Грегори, 2003), так что идея их чисто биологического, эволюционного происхождения остается под вопросом.

По крайней мере, мы можем принять, что мышление в значительной мере организовано модулярно. Можно ли отсюда сделать вывод, что сам субъект состоит из разных модулей? Это более сильное утверждение. Фодор его не делал. Он предполагал наличие некоторого центрального процессора, который получает информацию от когнитивных модулей, обрабатывает ее и на этой основе осуществляет принятие решений. Следовательно, Фодор принимает идею существования субъекта. В его модели субъектом будет центральный процессор. Близкие к фодоровским идеи развивает отечественный исследователь О.И. Мотков в работе «Субъект как диспетчер личности» (Мотков, 2010).

Другой знаменитый американский представитель аналитической философии сознания — Д. Деннет — возражал Дж. Фодору и утверждал, что никакого центрального процессора нет. По его мысли, бытие субъекта в мире состоит из мелькания

«набросков» (drafts), каждый из которых представляет собой некий слабый ответ мысли (по существу, мысленный рефлекс) на внутреннее состояние организма (Волков, 2008). Эти наброски сменяют друг друга, некоторые исчезают совсем быстро, некоторые живут дольше, они захватывают моторное управление организмом. Отработанное, удачно или неудачно, они уходят в прошлое, а управление захватывается другими набросками. Все наброски — это чисто материалистически трактуемые «рефлексы головного мозга». Если кто-нибудь может подумать, что эта сеченовская идея устарела, то существуют более современные ее варианты (Edelman, 1987), которые дают соответствующие субстратные модели на уровне нейронов, групп нейронов и нейронных сетей.

Однако же трудно спорить, что у субъекта все-таки остается ощущение непрерывности и целостности Я. Деннет считает это ощущение иллюзорным. Он объясняет появление этого ощущения так: субъект социальными условиями вынужден вести для других повествование о себе, где он должен выглядеть рационально, цельно, непрерывно. Грубо говоря, иллюзия непрерывности субъектности внушена нам собственным представлением о себе, которое мы начали строить ради других, но затем поверили ему сами.

Итак, мы видим, что существуют две модели составного субъекта: одна с центром, другая без центра. К моделям с центром относятся психоаналитические модели (помимо фрейдовской, это модель Лакана, подробнее о которой, к сожалению, говорить нет места) и подобные фодоровской (насколько мне удалось понять, именно они являются мейнстримом современной когнитивной науки). К моделям без центра относится модель Д. Деннета. Есть или нет «на самом деле» центр субъектности, некое Я? Понятно, что мы не можем ручаться за то, как все обстоит на самом деле. Однако мы можем

попытаться понять, что следует из идеи наличия центра и что следует из идеи отсутствия такого центра.

Насколько мне удалось понять, вопрос этот в современной аналитической философии и в современной когнитивной науке открытый. В философии идет спор, в когнитивистике делаются попытки применить централизованную и децентрализованную схему к объяснению эмпирического материала. Анализ всех производимых здесь исследований выходит за рамки данной работы. Однако ниже, когда пойдет речь об аутизме, я постараюсь написать несколько слов о субъектности при аутизме и о проблеме так называемого центрального согласования (Happé, Frith, 2006). Забегая вперед, нужно сказать, что без центрального согласования развитие когнитивных функций вроде бы представить трудно. Может быть, центральное согласование – это еще не субъект. Но должен существовать некоторый центр передачи одних мыслей на другие мысли, и этот центр должен быть тесно связан с принятием решений. Подобного же мнения придерживается отечественная исследовательница Е.А. Сергиенко: «Контроль поведения является интегративной характеристикой, включающей когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию и контроль действий (произвольность). В отличие от саморегуляции, контроль поведения обладает спонтанностью и самопроизвольностью» (Сергиенко, 2008, с. 57). Однако, повторяю, этот вопрос находится в стадии интенсивного изучения.

Детерминация субъекта

Мы ранее видели, что детерминированный субъект, или субъект, имеющий сущность, – это вообще не субъект. Однако материалистическая мысль тоже не может обойтись без представления о действующем и познающем начале, даже если это начало при дальнейшем

рассмотрении оказывается не началом, а продолжением каких-то ранее произошедших детерминаций. Тогда субъект рассматривается как такой агент, который преобразует эти ранее произошедшие с ним детерминации в те действия, которые он совершает сейчас.

Традиционно рассматриваются два типа детерминаций: природные и социальные. Природные детерминации философия специально не изучает, здесь нас отсылают к той же психологии (психофизиологии и т.п.). Социальные детерминации были очень подробно исследованы в марксистской философии. Однако в учении К. Маркса детерминация была заявлена достаточно узко: производственными, экономическими отношениями. В настоящее время границы детерминации расширяются. Например, можем ли мы рассматривать как субъекта десятилетнего школьника? Безусловно. В экономические отношения он еще, возможно, не вступает, однако мы, несомненно, можем исследовать, чем он как субъект социально детерминирован (статусом среди одноклассников? А этот статус чем – физической силой и смелостью, учебой, статусом родителей? Или статусом школы? Или тем, какой статус имеют школьники в данном обществе? Или, может быть, он детерминирован идеологией, на которой воспитан в школе? А может быть, той картиной мира, которую он усваивает? Особенности преподавания? Или особенностями культуры?). Здесь открывается простор изучению роли идеологии, культуры, языка и др. Вообще говоря, все перечисленное – не область чистой философии. Здесь философия действует в сотрудничестве с социологией, культурологией, когнитивистикой и, конечно, психологией. Со стороны философии происходит постановка задач и построение общей картины результатов, со стороны конкретных наук – наблюдения и эксперименты.

Отдельная тема в изучении детерминации субъекта — роль языка. В первой половине XX века в философии произошел лингвистический поворот, результатом которого стали теории детерминированности субъекта языком разной степени силы — от сравнительно слабых указаний на большую роль языка в мышлении до безапелляционных утверждений, что субъект не может ни воспринимать, ни думать, ни желать ничего такого, для чего у него не было бы слов. Крайние утверждения характерны более для французской философии, многосторонние дискуссии — для американской аналитической. В последней эти обсуждения увязываются с проблемой существования ментального кода: если врожденный ментальный код существует, то влияние языка будет ограничено возможностями ментальных представлений, которые к тому же будут общими для всех людей. Если его не существует, то пропасть между областями «внутренней жизни» субъектов различных языков окажется непреодолима и само существование субъектности будет поставлено под вопрос, поскольку окажется недоказуемым, как это было показано в философии Л. Витгенштейна (Сокулер, 1994).

3.3. Субъект и смысл

Как я уже писала выше, даже если речь идет о детерминированном субъекте, субъект никогда не может рассматриваться как полностью несвободный. Мы не можем считать субъектом небесное тело, машину, броуновскую частицу — как бы они ни были сложны или непредсказуемы, если мы не наделяем их свободой, мы не видим в них субъектности. Свобода — неотъемлемое качество субъекта. Эта свобода не обязана быть абсолютной, но она должна быть. Другое дело, что мы не всегда знаем, кто, в чем и насколько свободен. Как верно указывает Д. Деннет, приходится довольствоваться

собственной способностью принимать интенциональную установку (Деннет, 2004). В данном случае принимать интенциональную установку означает полагать, что некто является свободным.

Вообще вопрос свободы сложен и требует многостороннего анализа. Мы должны различать свободу мысли и свободу действия, абсолютную и градуальную свободу, собственную непосредственно данную свободу и полагание свободы в других и так далее. Сейчас, к сожалению, нет возможности углубляться в эту тему. Мы будем считать, что субъекта просто можно определить как того, кто действует свободно. Как мы понимаем в данном случае свободу? Понятно, что то, что подлежит каузальной детерминации, т.е. всецело определяется внешними причинами (например небесное тело), не является свободным. Однако отсутствие каузальной детерминации не равнозначно свободе. Элементарная частица, насколько известно, определяется не только каузально, а еще и случайно, но мы не считаем элементарную частицу свободной. Следовательно, необходимо еще что-то, помимо отсутствия каузальности. И это — сознание, способность совершать выбор осознанный выбор, то есть выбор на основе понимания того, что происходит.

Однако что такое понимание? По этому вопросу в философии тоже сказано очень много. Достаточно вспомнить, что Дильтей противопоставлял понимающую и объясняющую психологию, но мне кажется, несколько проще переформулировать ту же проблему по-другому: понимание — это способность знать смысл, схватывать смысл, оперировать смыслами. Теперь мы можем спросить: что такое смысл?

Что означает знать смысл? Поскольку речь идет о том, чем отличается субъект от не-субъекта, мы можем опустить все многообразие значений того, что такое смысл, и оставить только такое значение:

смысл того, что происходит; тот смысл, понимание которого важно для совершения выбора. Сюда относится понимание смысла предметов и смысла ситуаций. Однако понимание смысла слов и высказываний тоже важно, потому что мы предполагаем, что нормальный субъект всегда может сказать, **что** он понимает, и, соответственно, понять то, что говорят ему. Специфическое рассогласование между пониманием смысла ситуаций и смысла высказываний — это не только особенность речи субъекта, но и бросающаяся в глаза особенность самой субъектности. Ниже я напишу об этом несколько слов (аутизм и вербализм).

Уже со времен Г. Фреге было, в общем, видно, что смысл всегда подразумевает некую известную субъекту связь между некоторой вещью и чем-то, что ею не является. Смысл слова — это связь или между словом и предметом, или словом и его употреблением, или словом и другими словами. Можно трактовать смысл более менталистски, например, как известную субъекту ментальную репрезентацию слова (см., например: Величковский, 2006, т. 1, с. 412). На это в философии имеются возражения: ментальные репрезентации не необходимы для объяснения того, как происходит оперирование словами (Куайн, 1996). Мы сейчас не будем углубляться в этот вопрос. В любом понимании смысла — и менталистском, и антименталистском — всегда налицо связь между чем-то, что понимается, и чем-то другим.

Откуда субъект знает смысл? Насколько я понимаю, источников мы обычно находим два: собственный смысл, известный только субъекту, созданный им самим, и интересубъективный смысл, т.е. известный многим. Именно благодаря второму источнику смыслов мы понимаем слова и ситуации сходным образом, именно благодаря этому мы понимаем и друг друга. Однако нельзя не видеть и наличия личных смыслов субъекта. Мы

можем для примера взять хорошо знакомый предмет, например мой личный компьютер — только я знаю все мои смыслы, которые связаны с ним.

Между этими двумя полюсами — интересубъективного и личного смыслов — располагается количественный диапазон: смысл может быть известен двоим, известен узкой замкнутой группе, известен небольшой открытой группе, известен большой открытой группе, известен всем. Субъекты, пользующиеся смыслами из разных областей диапазона, имеют различную структуру субъектности. Однако сейчас мы не можем углубляться в эти различия. Нам достаточно сказать, что смысл полагается субъектом или для самого себя, или в интересубъективном взаимодействии.

Проблема конституирования (понимания) смысла была глубоко исследована Э. Гуссерлем. Рассмотрим на примере смысла слова. Гуссерль показывает, что с точки зрения сознания смысл слова — это связь не между ним и предметом, а связь между наличным появлением этого слова и тем актом, когда его смысл был установлен впервые (Гуссерль, 2006, § 50). Гуссерль называет тот первый акт актом первичного смыслополагания. Любой акт понимания знакомого смысла будет с этой точки зрения актом вторичного смыслополагания — это будет акт установления связи между появлением этого слова сейчас и тем первичным актом. Вторичные акты осуществляются каждый раз, когда встречается это слово. Из этого у каждого человека складывается личная история слова, личная история полагания смыслов.

Вопрос первичного смыслополагания стоит следующим образом. Может ли субъект — т.е. свободно мыслящее существо — сам понять все смыслы? Указание на свободное мышление не случайно. С одной стороны, свобода — это определение субъектности. С другой стороны,

если бы у нас было что-то вроде мысленных рефлексов, инстинктов, тогда мы что-то могли бы знать без обучения. Но там, где мы свободны, инстинктов быть не может. Стало быть, то, что постигается свободно, — постигается в ходе обучения, знакомства, проб. А все это у человека происходит в социальной среде, в связи с Другими (Кабрин, 2009). Да и вообще без лишних рассуждений ясно, что большинство смыслов человек постигает в детстве. Он узнает их от родителей или в школе. Гуссерль в пример первичного смыслополагающего акта приводит знакомство с ножницами. Понятно, что на практике это знакомство происходит под руководством взрослого. Фундаментально важный факт относительно первичного смыслополагающего акта состоит в том, что этот акт имеет триадическую структуру. Обычно эта структура такова: Другой показывает субъекту смысл предмета. Иногда отношение между субъектом и Другим обращается: Субъект показывает Другому на смысл предмета. Однако акт сохраняет триадическую структуру.

Первичного учреждающего акта не может быть без общения, субъект не может конституировать учреждающий акт смысла один на один с этим смыслом. (Вторичные акты полагания смысла, конечно, возможны и в одиночестве.) Иногда, казалось бы, нечто подобное возможно. Например, энтомолог может пойти в одиночную экспедицию и открыть новый вид жуков. Он даже может дать этим жукам название, т.е. на первый взгляд произнести самый первичный смыслополагающий акт слова полностью самостоятельно. Однако так ли он самостоятелен? Он ведь находится в рамках науки, а это социальное учреждение. Что такое вообще жуки, он узнал во время обучения. Какие жуки открыты на сегодняшний момент, он узнал в конечном счете от научного сообщества. Определяя открытый им вид как новый, он сверяется со знанием,

полученным от сообщества. Давая новым жукам название, он, конечно, в будущем опубликует статью с описанием их. Это тот же самый триадический акт структуры: субъект указывает смысл Другим.

В отношении субъекта со смыслом с неизбежностью открывается отношение субъекта с Другими. Субъект всегда обращен к Другим, без этого не может быть полагания им смысла, а следовательно, понимания, а без этого в свою очередь — и свободы.

4. Исследования субъектности на стыке философии и психологии

Философия и психология — науки, весьма различные по методам. Поэтому сама возможность проводить исследования на их стыке должна быть обоснована отдельно. Скажем, исследования на стыке биологии и физики не сталкиваются с такой проблемой, потому что, при всей внешней разнице биологии и физики, обе эти науки фундаментально схожи: это эмпирические естественные науки. Психология, как мы видели, — наука эмпирическая, частично естественная, частично гуманитарная. А философия — вообще не эмпирическая наука. Иногда ее на этом основании даже выводят из состава наук, считают методологией, учением или еще чем-то подобным. Я в данном тексте понимаю философию как неэмпирическое рассуждение.

4.1. Эмпирические исследования патологии субъекта

Полностью раскрывать проблематику взаимодействия философии и психологии здесь, к сожалению, нет возможности. Однако в том, что касается проблемы субъекта, достаточно легко привести примеры тесного переплетения психологических эмпирических исследований и философских рассуждений. Одна из областей, где такое переплетение особо плодотворно, — патология субъекта.

Ведь философ имеет доступ только к одному субъекту — самому себе, откуда ему и приходится выводить признаки, условия, следствия, границы и тому подобное субъектности. Поскольку большинство философов обычно находится в состоянии условной «нормальности», их опыт субъектности ограничен. Им легко иногда принять за естественное и даже необходимое состояние субъектности то, что свойственно только лишь одному из ее вариантов.

Следует заметить, кстати, что в плане отношения к особому опыту, к опыту ненормальности, отклонений, проблем, пограничных ситуаций, — в этом плане радикальные отличия произошли при переходе от классической рациональности, свойственной Новому времени (XVII—XIX вв.), к неклассической рациональности XX—XXI вв. (при желании можно рассматривать еще так называемую постнеклассическую рациональность, но в интересующем нас аспекте достаточно указать на первый переход). А именно, классическая рациональность считает отклонения от нормы как бы «неинтересными», достойными только лишь терапии, не дающими полезного материала для самопонимания нормального субъекта. Примерно как изучение ошибок, которые допускают младшие школьники в обучении счету, ничего не дает для понимания математики — скажем, устройства натурального ряда, законов теории чисел и т.п. С точки зрения математика, ошибки надо корректировать, а изучать надо то, что установлено без ошибок. Так же рассматривалась и проблема субъектности: болезни следует корректировать, а изучать что-то более интересное и полезное. Что же касается таких видов особого опыта, как, например, мистический, трансперсональный и т.п., то они обычно даже не рассматривались всерьез.

Однако ныне дело обстоит совсем иначе. Пионером введения темы пато-

логии в тему философии субъекта был, в общем, З. Фрейд. Рассмотрение неврозов и других патологий привело его к теории, которая верна и для субъекта в состоянии психического здоровья (я не хочу этим сказать, что теория Фрейда совершенно верна, это отдельная тема; я имею в виду только то, что законы, открытые в области патологии, без изменения переходят на область нормы). К открытию многих когнитивных модулей, кстати, тоже привели наблюдения над соответствующими патологиями. Например, только открыв такое состояние, как прозопагнозия, исследователи смогли прийти к выводу, что у нас есть особый центр узнавания лиц.

4.2. Философско-психологические исследования шизофрении и аутизма

В книге «История безумия в классическую эпоху» М. Фуко говорит, что в Новое время, в эпоху классической рациональности, безумию «не давали собственного языка», уклонялись от того, чтобы слышать, что оно говорит. В некотором смысле это не мудрено: для того чтобы понять, «что говорит безумие», нужны развитые герменевтические техники. Однако попытки понять безумие, при всей их чрезвычайной сложности, оказались необыкновенно продуктивны. Во второй половине XX века были предприняты интенсивные исследования психологического смысла шизофрении. В конце XX — начале XXI вв. такому же пристальному анализу подверглось еще одно расстройство — аутизм. Излагать теории шизофрении здесь, к сожалению, нет возможности. На эту тему следует читать обзор Ж. Гаррабе (2000) и авторов — К. Ясперса (1997; 1999), Ж. Лакана (2000), Р.Д. Лэнга (1995), А. Кемпински (1998), О.А. Гильбурда (2007).

Кратко скажу, какие результаты изучения шизофрении мне представляются самыми важными с точки зрения теории субъекта. Во-первых, стало ясно,

что волевая составляющая субъектности находится в сложных отношениях с интеллектуальной (до этого считалось, что они друг от друга не зависят). Во-вторых, появились доказательства того, что интегрированное цельное Я — это вторичное состояние субъекта, к тому же требующее постоянных усилий для его поддержания, а первичным состоянием является расщепленность. В-третьих, были получены свидетельства автономности языкового мышления. Также очень интересные данные были получены относительно темпоральной структуры сознания и «горизонтной» (в гуссерлевском смысле) природы проектирующего (в хайдеггеровском смысле) сознания на материале бредового дискурса. Но это сейчас только еще находится в стадии изучения.

Ранний детский аутизм (РДА) — это расстройство развития психики, которое характеризуется 1) снижением или отсутствием коммуникативных и социальных навыков, в том числе часто речи; 2) ослаблением функции воображения и символизации; 3) склонностью к ригидности, стереотипии (Аппе, 2006). Также при аутизме происходит задержка формирования так называемой *theory of mind*, т.е. понимания того, что Другие имеют ментальные состояния и намерения. Собственные ментальные состояния ребенка-аутиста также отличаются исключительным своеобразием (Юханссон, 2010). В частности, при аутизме нет понимания смысла происходящего, однако резко усилена перцепция, вплоть до синестезий.

Выше я писала, что субъектность, свобода и понимание смысла необходимо требуют одно другого и все вместе не возможны без Других, к которым субъект обращается, у которых он учится, которых он учитывает. Аутист — это человек, в сознании которого нет Других (по крайней мере, это касается глубоких аутистов). Если формулировать проблему прямолинейно, следует спросить:

есть ли у аутистов вообще субъектность? На первый взгляд, тут возможен отрицательный ответ. И действительно, глубокие аутисты — это люди, которые, на первый взгляд, не проявляют ни исследовательского поведения (не являются познающими субъектами), ни осмысленных сознательных поступков (не являются действующими субъектами). Но «человек не является субъектом» — это очень сильное утверждение. Ведь такой человек — это, другими словами, человек без души, вообще почти не человек. Это показывает, что формулировку субъектности и рассуждения относительно отношения субъекта и Других нужно еще пересматривать и уточнять.

Это только один пример того, как исследования аутистической патологии в рамках патопсихологии и психиатрии дают богатый материал для размышлений о сути и структуре субъектности. Тот же аутизм дает еще множество материала: о роли в нашей жизни воображения (у аутистов, судя по данным экспериментов, воображения нет или почти нет), о роли языка и речи (у тяжелых аутистов нет речи), о сущности функций обобщения и символизации (аутисты не склонны к символизации, также они иногда проявляют выраженное нежелание обобщать, вплоть до намеренного, осмысленного отказа). Ведущий отечественный исследователь аутизма О.С. Никольская разделила аутизм на четыре группы в зависимости от тяжести состояния и от прогноза. Первоначально данная классификация служила клиническим целям, по существу, являлась нозологической. Однако дальнейшая работа над ней позволила исследовательнице прийти к интереснейшим культурно-антропологическим обобщениям (Никольская, 2008). С ними можно соглашаться или не соглашаться, однако это еще один пример, насколько богатый материал может дать осмысление такого состояния, как

аутизм, и насколько продуктивные гипотезы рождаются в ходе этой работы.

4.3. Особый опыт

В заключение я вкратце упомяну об одной теме, которая успешно и продуктивно исследуется на стыке психологии и философии, — это изучение пограничных ситуаций и других видов особого опыта. Ее важность связана с тем же, о чем я говорила относительно изучения безумия: особый опыт не является повседневностью, и у обычного философа иногда появляется искушение не принимать в расчет тех явлений субъектности, которые тут возникают, объявить их чем-то незначимым, недолжным, исключением, патологией. С другой стороны, имеется ряд важных источников, например интереснейшие свидетельства К. Кастанеды относительно мировоззренческой роли особого опыта.

Сама я не специалист по изучению особого опыта и пограничных ситуаций, поэтому скажу только лишь несколько слов. Что следует понимать под особым опытом и пограничными ситуациями? Понятие пограничных ситуаций сформулировал К. Ясперс, у него это была «ситуация, где бытие подходит непосредственно к своей границе». Другими словами, это либо ситуация крайнего обострения бытия, настолько высокого обострения, что на бытие практически не остается сил. Если совсем грубо переводить на язык психологии — это ситуация крайнего стресса. Либо это такая ситуация, что бытие вот-вот закончится, сменится небытием, — это ситуация смерти, а также близкие к ней ситуации сильной болезни, смертельной опасности и т.п. Что дает нам осмысление опыта пограничных ситуаций? Ясперс достаточно убедительно показал, что именно в них бытие проясняется, его смысл становится более ясным, более свободно положенным. Аналогичное происходит

и со структурой субъектности — она проясняется.

Что еще понимается под особым опытом? Ну, например, опыт приема наркотиков. Сходный эффект дают также и другие, более достойные и менее опасные приемы, от холотропного дыхания до медитации. К особому опыту относится опыт клинической смерти, мистические и трансперсональные переживания и т.п. На примере трансперсональных переживаний становится ясно, какой новый свет проливают эти исследования на проблему субъекта: субъект, переживший идею общности со всем мирозданием, понимает себя, свои смыслы, свои инстанции (например рефлексии) совсем не так, как обычный субъект. Очевидно, что исследования особого опыта — это важный аспект работы на стыке философии и психологии.

Нельзя также обойти молчанием проблему изучения религиозного опыта в аспекте трансформации субъектности. Эти исследования в отечественной психологии еще только начинаются (Василук, 2005). Однако дальнейшее их развитие должно оказаться весьма перспективным.

И философия, и психология давно изучают субъекта, строят теории субъектности, пытаются давать определения и искать подходы к современному пониманию этого действующего, познающего, принимающего решения, управляющего начала в человеке. Мне представляется, пограничные исследования (по понятным причинам в статье названы далеко не все) представляют для этого новые и интересные возможности.

Литература

Абульханова К.А. С.Л. Рубинштейн — ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке / под ред. А.В. Брушлинского др. М., 2000. С. 13–26.

Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Несколько замечаний в связи со статьей А.С. Арсеньева «О творческой судьбе

- С.Л. Рубинштейна» // Развитие личности. 1999. № 4. С. 12–20.
- Акопов Г.В.* Проблема сознания в современной психологии // Методология и история психологии. 2007. Вып. 3. С. 43–64.
- Аппе Ф.* Введение в психологическую теорию аутизма. М., 2006.
- Аристотель.* О душе // Сочинения в 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 371–448.
- Брушлинский А.В.* Психология субъекта. СПб., 2003.
- Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.; Воронеж, 2008.
- Василюк Ф.Е.* Переживание и молитва. М., 2005.
- Величковский Б.М.* Когнитивная наука: основы психологии познания. В 2 т. М., 2006.
- Волков Д.Б.* Теория сознания Д. Деннета: дис. канд. филос. наук. М., 2008.
- Гаррабе Ж.* История шизофрении. М.; СПб., 2000.
- Гильбурд О.А.* Шизофрения: семиотика, герменевтика, социобиология, антропология. М., 2007.
- Гордеева Н.Д., Зинченко В.П.* Функциональная структура действия. М., 1982.
- Грегори Р.Л.* Разумный глаз: как мы узнаем то, что нам не дано в ощущениях. М., 2003.
- Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб., 2006.
- Декарт Р.* Сочинения. Т. 1. М., 1989.
- Деннет Д.* Виды психики: на пути к пониманию сознания. М., 2004.
- Знаков В.В.* Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие // Методология и история психологии. 2007. Вып. 3. С. 65–74.
- История философии / под. ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова, Д.В. Бугая. М., 2005.
- Кабрин В.И.* Ноэтическая коммуникация: на пути к релевантному исследованию психологического опыта // Методология и история психологии. 2009. Вып. 3. С. 5–23.
- Кемпински А.* Психология шизофрении. СПб., 1998.
- Колесников А.С., Ставцев С.Н.* Формы субъективности в философской культуре XX века. СПб., 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/gathered/subject>.
- Косилова Е.В.* Философия и психология о сознании // Методология и история психологии. 2009. Вып. 1. С. 25–46.
- Кричевец А.Н.* О категориях, экзистенциалах и психологическом понимании // Методология и история психологии. 2009. Вып. 3. С. 24–39.
- Круглый стол «Субъект и субъективность: аналитические и феноменологические интерпретации». 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hse.ru/news/24638672.html>; http://vfc.org.ru/rus/media/video/index.php?SECTION_ID=82#tb.
- Куайн У.* Онтологическая относительность // Современная философия науки. М., 1996. С. 18–40.
- Лакан Ж.* О бессмыслице и структуре бога // Метафизические исследования. Вып. 14. Статус иноного. СПб., 2000. С. 218–231.
- Лекторский В.А.* Субъект, Я // Новая философская энциклопедия. В 4 т. / ред. В.С. Степин. М., 2000.
- Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
- Личность и бытие: субъектный подход. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 11–12 ноября 2005 г. / отв. ред. З.И. Рябикина, В.В. Знаков. Краснодар, 2005.
- Лоренц К.З.* Обратная сторона зеркала. М., 1998.
- Лэнг Р.Д.* Расколотое «Я». СПб., 1995.
- Мотков О.И.* Субъект как диспетчер личности. 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psychology.rsuhr.ru/archive/motarticle26.rtf>.
- Никольская О.С.* Аффективная сфера как система смыслов, организующих сознание и поведение. М., 2008.
- Пископтель А.А.* Объяснение и понимание в диалоге «объяснительной» и «описательной» психологий // Методология и история психологии. 2008. Вып. 1. С. 47–57.
- Сергиенко Е.А.* Развитие идей психологии субъекта А.В. Брушлинского: системно-субъектный подход // Личность и бытие: субъектный подход. Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского, 15–16 октября 2008 г. / под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М., 2008. С. 54–58.

Соколов В.В. Введение в классическую философию. М., 1999.

Сокулер З.А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века. Долгопрудный, 1994.

Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М., 1996.

Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М., 2005.

Тхостов А.Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1994. № 2. С. 3–13; № 3. С. 3–12.

Фома Аквинский. Сумма против язычников. Кн. 2, гл. 80–81. Долгопрудный, 2001.

Фрейд З. Разделение психической личности // Введение в психоанализ. Лекции. Лекция 31. М., 2003.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.

Шабельников В.К. Предметность и субъектность детерминирующего мира в концепциях психологии // Методология и история психологии. 2006. Вып. 1. С. 23–40.

Юханссон И. Особое детство. М., 2010.

Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997.

Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог. Опыт сравнительного патографического анализа с привлечением случаев Сведенборга и Гельдерлина. СПб., 1999.

Edelman G.M. Neural Darwinism: The theory of neuronal group selection. New York, 1987.

Happé F., Frith U. The weak coherence account: detail-focused cognitive style in autism spectrum disorders // J. of Autism and Developmental Disorders. 2006. № 36 (1). P. 5–25.